ПЕСНИ БЕСПРИЗОРНЫХ ДЕТЕЙ

А. ГАЛКИН.

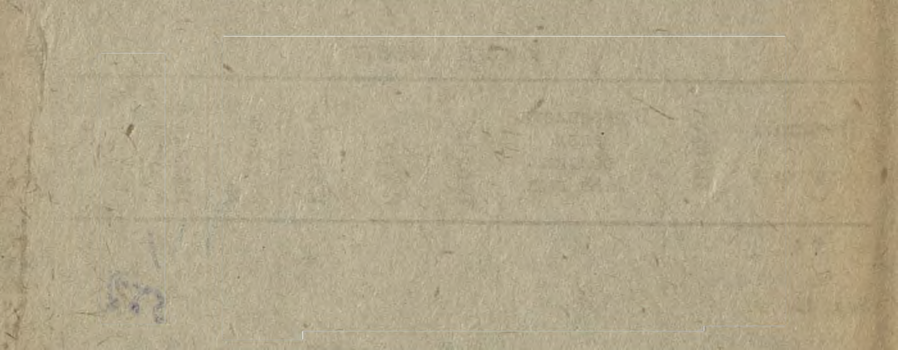
XXVI 1942

Книга имеет:

Печатных листов	Выпуск	В переплетн. един. соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №	Наклад и исписка	
2						84	1/552	

Зак. 624 1.

Александр Галкин.

ПЕСНИ
БЕСПРИЗОРНЫХ ДЕТЕЙ

С послесловием
проф. А. А. Крогиуса.

1926 г.

Саргублито № 1591. Типография Балаковского Горсовета. Тираж 2000.

Кому ирис?!

От плечек, по рубашечке,
Шнурочек перевис...
Мальченка держит в ящичке
Под стеклышком ирис.
Продаст, оближет пальчики...
Картузик стар и лыс...
И кличут хором мальчики:
—„Ирис! Кому ирис!?"
Квадратики—коричневы,
Как новый кипарис...
И голосочки зычные:
—„Ирис! Кому ирис?!"
Гремит день солнцем меченный...
А небо—синий плис...
И детский крик до вечера:
—Ирис! Кому ирис?!."

На улице.

Мальченка больной и голодный,
В лаптях и худом зипуне...
Он просит зимою холодной:
—„Подайте копеечку мне!“...
    Дрожит весь от стужи сиротка
    И жмется всем телом к стене...
    И голос, звучит его кротко:
    —„Подайте копеечку мне!“...
Мелькнул на ветру леденящем
Заплатой—клочком на спине
И вновь произнес к проходящим:
—„Подайте копеечку мне!“...
    Метелится ветер игриво
    И шумно гудит в вышине...
    И мальчик воскликнул в порыве:
    —„Подайте копеечку мне!“...
Вот каменный город, высокий,
Сияет в вечернем огне...

И слышится голос далеко:
—„Подайте копеечку мне!“...
И плещется музыка звонко
И тени трепещут в окне...
И выкрик хрипящий ребенка:
—„Подайте копеечку мне!“...
Чуть теплится жизнь молодая
В тяжелом бреду—полусне...
И просит бедняжка, рыдая:
—„Подайте копеечку мне!“...

Кому папирос?!

Вот он в возрасте только ребенка,
А решил уже Нэпа вопрос...
Выкликает на улице звонко:
—„Кому папирос?!“
Он, как будто-бы счастлив и весел,
Сам, хотя, весь в заплатах и бос...
Через шею коробку повесил. .
—„Кому папирос?!“
У бульваров асфальт ему—койка...
Философски теребит он нос...
И кричит неустанно и бойко:
—„Кому папирос?!“
Он не видел ни ласк, ни утехи:
В вихре сутолки жизненной рос...
Ни в каком не работает цехе...
—„Кому папирос?!“
В острой шутке не знает он гнева...
Весь в пыли, точно мохом оброс...
Тянет звучно свои он напевы:
—„Кому папирос?!“

Нищие—малюточки.

Нищие—малюточки плачут у ворот.
Старшая сестренка им корочки сует:
„С‘ештье вот немножечко братец и сестра,
Ничего не подали нынче нам с утра.
Потерпите чуточку, не слезите глаз:
Подали копеечку в руку мне сейчас.
Стихни, братец маленький—милый голубок,
Люди нам прохожие дали кренделек.
Улыбнись малюточка, будет хорошо:
Подали нам ягодок—вишенки еще!...
Мимо нас с корзиночкой шли два старичка,
Свеженького налили в чашку молочка...
Сядьте на коленочки, накормлю я вас...
Дяди, тети, добрые,—не забыли нас“.

Булки, горячие!

Площадь вся—как на ладонке,
Торг многоцветный и гулкий...
Голос несется мальченки:
—„Булки, горячие! Булки!“
Ветром колышется волос...
Мальчик мелькнул в переулке...
Острый доносится голос:
—„Булки, горячие! Булки!“
Выкрики—ближе и чаще...
Деньги—листочки в шкатулке...
Голос мальченки звенящий:
—„Булки, горячие! Булки!“

На Волге.

Стихли жизни бледной звуки,
Скован цепью берег Волги...
Ночью ярче в сердце муки,
Детский плач пронесся долгий...
Плачет мальчик: „мама, мама,
Дождик к нам под лодку брызжет...
Заползем поглубже в яму,
К камню сядем мы поближе“...
Камень режет остро щеку,
Смялась грязная рогожка...
До зари сидеть—далеко...
„Мама, я вздремну немножко...“
Скользким бисером, весь вшами
Окаймлен рубахи ворот...
Мальчик, с первыми лучами,
Выйдет с сумочкою в город...

Целый день плачевно-звонко
Будет петь на торге Нэпа,
Робко станет брать ручонка
От людей кусочки хлеба...
И, когда дома загрезят,
В них огни заблещут четко,—
Снова он ползком залезет
На ночлег под ребра лодки.
В голове промчатся думки,
Вспомнит мальчик жизнь иную...
Вынет хлебушек из сумки
И накормит мать больную...

Горе мальчика.

Горе мое, горе, горюшко-беда
Да моей сестренки малые года.
Матушка больная, батюшка ослеп,
Сами добываем мы с сестренкой хлеб.

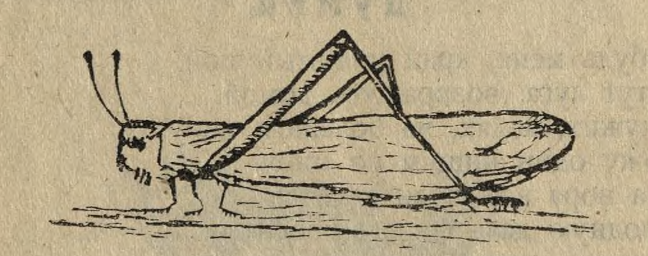

Встану я раненько, по миру пойду,
А свою сестренку за руку веду...
К вечеру вернемся с нею мы домой,
Проплакнет сестренка: „Ножки мне помой,
Сделай куклу, братец, и поесть мне дай"...
Крошку с'ест, заплачет: „Я хочу—бай-бай"...
С куколкой их вместе уложу я спать,
Закачаю с песней, как родная мать.
Там, глядишь, другое дело ждет тебя:
Стирка и починка разного тряпья.

„Шпана"

В доме сумрачном, без крыши,
В окна дует ветер свежий...
По ночам скребутся мыши,
Ткет паук седые мрежи...
А в углу, на грязных досках,
Под лохмотьями—попонкой,
Точно с личиком из воска
Спит сироточка—мальченка...
Не мечтать ему о неге—
Бегать с продранной штаною...
И в бескровом он ночлеге
Прозывается „шпаною"...
Завтра жизни мир нарушив,
Он заплачет в черном часе:
Люди выдерут за уши
Или нос ему расквасят...

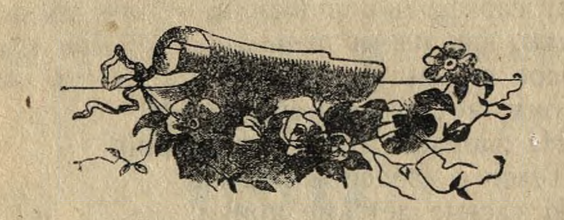

Думка.

Не забудь меня, край родимый мой,
Зацветут луга, возвращусь домой.
При чужих людях, на большом пиру,
Я брожу один нищим по миру.
Как на вора все люди косятся
И в родную даль сердце просится...
Нет родных, друзей,—друг—нужда сама
Да товарищ мой—на плечах сума.
Весь в лохмотьях я, нет мне моченьки,
Под заборами сплю я ноченьки...
Ах, взглянул в глаза дню я черному!..
Кто приют мне даст, беспризорному?..

Дрожжей!..

Шумят, гудят девченки
И лязг звучит ножей...
Кричат все в перегонку:
—„Дрожжей, дрожжей, дрожжей“!..
И голоса их остры,
Как иглы у ежей...
Рученки режут быстро...
—„Дрожжей, дрожжей, дрожжей“!..
Кой-где пылинки спора:
—„Мои твоих свежей“...—
И выкликают скоро:
—„Дрожжей, дрожжей, дрожжей!“..
Сидят, стоят и скачут,—
В местах нет дележей...
Прогонят их,—поплачут...
—„Дрожжей, дрожжей, дрожжей!“..
Жизнь смотрит и смеется
С высоких этажей...
И целый день несется:
—„Дрожжей, дрожжей, дрожжей!“..

Кому воды?!

С ведерком и кружечкой белой,
На камни роняя следы,
Девченка звеняще пропела:
—„Кому пить холодной воды?!“..
Головка с косой запыленной,
Глазенки—две точки-слюды...
И голос звучит монотонно:
—„Кому родниковой воды“?!.
Измят сарафанчик линючий,
И руки, как плети худы...
И голос напевный, тягучий:
—„Кому, вот, холодной воды?!“.
На площади торг многоликий:
Телег и лавченок ряды...
И частые детские крики:
—„Холодной и свежей воды!“..
Весь день без родного призора...
В кармашке кусочек еды...
И только всего разговора:
—„Кому пить холодной воды?!“.

Одиночество.

Сяду я на камешек, горе изолью,—
Пусть один послушает он тоску мою.
Жил в селе я с матушкой, с ласковым отцом...
Вышло время лютое: погорел наш дом.
Взял я в руки сумочку, по миру пошел,—
Так добрел до города, а сам—бос и гол.
В нем меня приветили: дали мне приют,
Сшили мне рубашечку, в туфельки обут...
Но порой раздумаюсь, сдавит грудь тоска:
Вспомню, как бывало я бегал у леска;
Как весною с матушкой в поле я ходил;
Раз отец на праздничек мне коня купил.
Вспомню, как товарищи бегали со мной,—
Было с ними весело в зиму и весной...
Есть и тут мне сверстники, с ними я всегда
Да не так мне весело нынче, как тогда.

Фиалки!..

„Фиалки! Фиалки! Фиалки“!..—
С утра выкликает девченка,
С болезненным личиком, жалким,—
В невзрачной, худой одеженке...

„Фиалки! Фиалки! Фиалки“!..—
За девочкой вторит мальченка...
В лаптишках ноженки, как палки,—
Былинкой иссохли рученки...
„Фиалки! Фиалки! Фиалки“!..—
Сплетаются их голосенки...
Косички повисли мочалкой,
И молят кого-то глазенки...

Бедняжечка.

Бедняжечка—мальченка, всего мне десять лет,
С нуждою подружиться родился я на свет.
Отец пропал без вести, а мать лежит в гробу,—
Один я, горемычный, за жизнь веду борьбу...
О, камень серый, камень—высокие дома!..
О, жизнь моя, бездолье—морозная зима!..
Я с думой безутешной в родную даль гляжу,
С протянутой рукою по улицам брожу...
Никто меня не встретит, утехи не подаст,
Одна мне есть утеха—что песни петь горазд,
Бедняжечка—мальченка, всего мне десять лет,—
С нуждою подружиться родился я на свет...

Воспоминание.

Когда на родине далекой
Жил в деревенской я глуши,
Где мне весною синеокой
Звенели песни камыши,
Где по лугам родным зеленым
Гонял я сельские стада—
Не лил тогда слезы соленой—
Цвели лазорево года...
Теперь я робкою походкой
С нуждою горькою моей
Брожу по улицам сироткой
Прошу кусочки у людей.
Вдавила детские ланиты
Лихой судьбы моей змея...
И моет каменные плиты
Слеза горючая моя.

На базаре.

„Эй, чего ты шаришь
Тут между возами?..
Стащишь кацавейку,—
Вижу—не ослеп“...
　　„Дяденька—товарищ,
　　С черными усами,
　　Мне подай копейку
　　Золотом на хлеб“...
„Ловкий ты, мальченка!...
Сядь-ка, вот, в телегу,—
На мою скамейку,
С‘ешь-ка пару реп“...
　　Мальчик сел в сторонке,
　　Где был мерин пегий,
　　Заиграл в дулейку,—
　　Слушай горе, Нэп!

Ирис.

„Весь город, мамочка, проснулся,
Мы утра снова дождались...
Сейчас мне кто-то улыбнулся...
—Ирис! Кому ирис?! Ирис...
　　Не плачь ты, мамочка родная,
　　На белый свет ты подивись:
　　Пал солнца луч на нас, играя...
　　Ирис! Кому ирис?! Ирис...
—„Почем ириски?“—„По копейки“,—
Возьми, товарищ не скупись...
Дойдем мы, мама, до аллейки...
—Ирис! Кому ирис?! Ирис...
　　Сейчас я продал две ириски
　　И три конфетки „барбарис“...
　　Ах, радость, мама, наша близко!..
　　—Ирис! Кому ирис?! Ирис...

Настал уж, мама полдень в небе...
Поел-бы, корочку погрыз...
И нынче будем жить на хлебе....
—Ирис! Кому ирис?! ирис!
 Ах, мама, мама, что с тобою?..
 Глаза застыли,—отзовись...
 Куда ты смотришь так с мольбою?..
 —Ирис! Кому ирис?! Ирис...
Гранит горячий под ногами,
Горит вся солнцем неба высь...
Никто не будет плакать с нами...
—Ирис! Кому ирис?! Ирис"...

А. Галкин.

ПОСЛЕСЛОВИЕ.

Вопрос о беспризорности, несомненно,—один из самых острых и больных вопросов современности. Автор, прошедший тяжелую школу жизни, крестьянин,—самоучка, много лет ходивший за сохой, глубоко передал всю остроту этого вопроса и в своих стихотворениях стремится привлечь внимание к положению беспризорных. Напряженность и искренность этого стремления, обращенного на борьбу с одною из самых страшных язв современного общества, придает неоспоримую ценность прилагаемому сборнику.

Вопрос о беспризорных детях стоял очень остро и в дореволюционную эпоху, но на него сравнительно мало обращали внимания—интересы и нужды обездоленных классов редко попадали не только в фиксационную точку, но и вообще в поле зрения правящих или влиятельных кругов. Эпоха революции с небывалою силою выдвинула вопрос об обездоленных —каждый гражданин должен стать полноправным и деятельным членом трудовой коммуны прежде всего своей страны, а затем и всего человечества. Проведение в жизнь этого великого принципа, претворение его в кровь и плоть социального бытия поставило революционное сознание лицом к лицу с вопросом о беспризорности. Выяснение и решение этого вопроса получило еще большую настоятельность вследствие глубоких потрясений, вызванных международною и гражданскою войною и голодом. Под влиянием этих потрясений количество беспризорных сильно возросло. В настоящее время, по данным, приводимым Н. К. Крупскою, количество беспризорных в Р. С. Ф. С. Р.

достигает 7 миллионов. (см. статью: „Борьба с детскою беспризорностью“. На путях к новой школе. 1923. № 3). Губительное значение беспризорности сказывается особенно резко на росте детских и юношеских правонарушений. Статистические исследования показывают, что количество последних как в годы войны, так и в годы революции прогрессивно увеличивалось. Так, по данным Петроградских комиссий, процентное отношение детских правонарушений в 21-м году по сравнению с довоенным временем возросло в 6—7 раз. Но уже с 22-го года наблюдается некоторая (в 23-ем году до 10—15%) убыль правонарушений, что, по всей вероятности, следует приписать улучшению экономического положения страны. Из многочисленных статистических данных, как в С. С. С. Р., так и заграничных, с несомненностью вытекает, что основным фактором детской преступности является нужда. 85—90% малолетних правонарушителей происходят из среды, не имеющей прожиточного минимума. Тяжелые условия жизни в различных ночлежках, трущобах, вроде каких-нибудь „катакомб“, ям, разрушенных построек, кладей дров, куч угля и т. д. создают особую атмосферу, которая вносит глубокую заразу в неустойчивую личность ребенка. Азартные игры, половая распущенность, пьянство, наркотики толкают его, непонимающего и слабого, на путь преступления. Яркую картину условий жизни беспризорных детей, между прочим дает, очень обстоятельная перепись произведенная в Саратове д-ром П. Н. Соколовым. (См. Беспризорные дети в Саратове). Жилищем переписанных им беспризорных детей служили подвалы, ветхие или даже совсем брошенные дома, без рам и дверей, сараи, простые навесы. Иногда беспризорные ютились где-нибудь под мостами, у пристаней под лодками, в паровых котлах, специально вырытых норах. Спали часто на голом полу, а то и прямо на земле. Прикрывались лохмотьями, старыми мешками и рогожами. В одном полуразрушенном здании два мальчика, братья

одной из живших там проституток, спали под ее кроватью. Оффициальною профессиею большинства детей было нищенство — неоффициальною — воровство, у девочек—проституция.

Борьба с беспризорностью и тесно связанными с нею правонарушениями малолетних, борьба, сделавшаяся предметом особого внимания со стороны правительства нашей республики, очень трудна. И здесь на первый план выдвигаются профилактические меры —общее улучшение экономических условий наиболее обездоленных слоев населения, затем следуют такие меры, как призрение детей, лишенных крова и заботы со стороны родителей или других близких людей, воспитательное воздействие на таких детей, развитие в них чувства общественной солидарности, интереса и привычки к труду, рационально поставленная материальная и особенно трудовая помощь подросткам. Громадное воспитательное влияние имеет приобщение детей к различным социальным организациям. Н. К. Крупская отмечает в этом отношении большое влияние даже бой-скаутских организаций в Англии. Несомненно, что беспризорный ребенок не представляет собою существа, живущего вне общества—он является членом коллектива, проникнутого особыми правилами и обычаями. Взгляд, ставящий беспризорность в связь с биологическою дефективностью, можно считать в настоящее время опровергнутым многочисленными и серьезными исследованиями. Беспризорный представляет своеобразный культурно-социальный тип. У него вырабатываются определенные взгляды на товарищество, на различные учреждения для беспризорных, на условиях трудовой жизни. Во многих случаях сказывается богатство и разнообразие эмоциональных проявлений и наличность положительных нравственных оценок. Очень интересный и богатый материал дают в этом отношении многочисленные наблюдения, собранные в книге Моро (М. И. Левитиной) „Беспризорные". Мы видим, напр., как подвергается осужде-

нию всякого рода порабощенность, приниженность, высоко ставится независимость, смелость, удаль, находчивость, особым признанием пльзуется чувство товарищества. „С товарищем всем делиться и веселее". „Товарищ как родной—и поговоришь с ним, и в беде друг друга выручишь„.

Всю эту своеобразную психосоциальную установку важно учесть при воспитании беспризорного. Нужно не подавлять его природной активности, не угашать его интересов, не иссушать его эмотивности, а поставить все эти движущие силы на надлежащие рельсы, дать им направление в сторону сознательной и разумной общественности, органически связав их с интересным, планомерным и общественно-полезным трудом.

В стихотворениях А. Е. Галкина, проникнутых живою симпатиею к беспризорным, мы читаем между строк призыв к перестройке жизни этих детей, обиженных не природою, а социальными условиями—вольными и невольными прегрешениями как отдельных людей, так и целых общественных классов.

Проф. Крогиус.

Оглавление.

	Стр.
Кому ирис.	3.
На улице	4.
Кому папирос	5.
Нищие малюточки	6.
Булки горячие	7.
На Волге	8.
Горе мальчика	9.
Шпана	11.
Думка.	12.
Дрожжей	13.
Кому воды.	14.
Одиночество.	15.
Фиалки	15.
Бедняжка	16.
Воспоминание	17.
На базаре	18.
Ирис	18.
Послесловие Проф. А. А. Крогус	20.

Цена 30 коп.

ИЗДАНИЕ АВТОРА
СКЛАД ИЗДАНИЯ
Книжный магазин „НОВЬ“.
Саратов, ул. Республики № 7